

To my father
Myles Dillon (1900–1972)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Период истории платонизма, который рассматривается в этой книге, привлекал до настоящего времени сравнительно мало внимания. По-видимому, ему было суждено оставаться в положении тех утомительных автострад Среднего Запада США, которые каждый стремится преодолеть как можно быстрее для того, чтобы окунуться в красоты того или другого побережья. В истории платонизма аналогичным образом каждый стремится как можно быстрее перейти от Платона к Плотину, в лучшем случае удостоив беглого взгляда все те направления академической философии, которые лежат между ними и которые оказали столь значительное влияние на интеллектуальное развитие последнего.

Заполнить хотя бы отчасти этот пробел — в этом состоит цель данной книги. Причем я намерен рассматривать фигуры изучаемого периода не в качестве слаборазличимых путевых столбов на дороге, ведущей к неоплатонизму, но, насколько это возможно, с точки зрения их собственной значимости. Разумеется, написать связный очерк, который бы одновременно в полной мере соответствовал немногим и зачастую противоречивым свидетельствам, — это непростая задача. Предполагалось, что я напишу относительно популярную книгу. Однако дополнительная трудность состоит в том, что в нашем случае отсутствует та общеизвестная база, на которую можно было бы опереться. В работе подобного рода невозможно последовательно строить гипотезы, напротив, необходимо постараться сделать некоторые выводы. Разумеется, во многих случаях мне пришлось вдаваться в детали, хотя бы потому, что в эти детали никто доселе не вдавался. Я надеюсь, что читатель, заинтересовавшись самой проблемой, проявит терпение.

Не следует думать, что по нашей теме ничего не написано. Существует по крайней мере один подробный очерк нашего периода во

второй части третьего тома обширной истории греческой философии Эдуарда Целлера (*Philosophie der Griechen*, Bd. III: 2). Кроме того, имеется более краткий, но весьма полезный очерк, написанный Карлом Прехтером (*Ueberweg*). Очерк Филиппа Мерлана (*Philip Merlan*), который много сделал для понимания исследуемого периода, в кембриджской истории поздней греческой и ранней средневековой философии (*Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy*, Part I) обладает тем самым недостатком, которого я стремлюсь избежать, а именно: в этой работе все фигуры среднего платонизма рассматриваются исключительно в качестве предшественников Плотина.

Кроме того, наша проблема исследовалась такими авторами, как Карл Прехтер, Вилли Тейлер, Генрих Дёрри, Эмиль Брейе, А.-Ф. Фестюжьер, Пьер Буаянсе, а также, совсем недавно, Кремер. Все эти авторы выполнили великолепные работы, посвященные отдельным проблемам, однако до сих пор не существовало единого исследования, которое бы охватило период в его целостности. В некоторых важных случаях, например, в вопросе об истинном месте платонизма во втором столетии, мы по-прежнему должны исходить из таких работ, как статья Тадеуша Синко (*Tadeusz Sinko*, 1906), в которой впервые выдвигается гипотеза о существовании «школы Гая», принятая во всех последующих работах; а также монография Уитта (*R. E. Witt*, 1936), в которой делается попытка установить прямую связь между Альбином и Антиохом из Аскалона при посредстве Ария Дидима. Ни одна из этих работ не обладает в действительности той фундаментальностью, которая им зачастую приписывается, по причинам, о которых речь пойдет далее. Точно так же Филону и Плутарху всегда уделялось значительное внимание, однако, насколько мне известно, достаточно редко в контексте их философского окружения. Именно в этом ключе я планирую построить свой анализ.

Моей целью было написать историю платонизма данного периода без каких-либо отсылок и сопоставлений с Плотинем. Как уже отмечалось, это было сознательное решение, поскольку только таким образом можно было избежать его доминирования на философской сцене. Сказанное не оспаривает того факта, что средний платонизм все равно вызывает интерес в основном в связи и в качестве пролога к Плотину. И все-таки мне представлялось необходимым взглянуть на эти фигуры и на их учения не в связи с кем-то еще, но на взятые *как таковые*. Кроме того, я постарался убрать со сцены еще одну фигуру, которая также долгое время занимала там доминирующее положение, именно стоического философа Посидония. Отдавая ему должное, я уделил этому мыслителю один раздел во второй

главе. Дело в том, что в последнее время до такой степени наметилась тенденция приписывать Посидонию почти все доктрины и формулировки, источник происхождения которых неизвестен, что у меня возникло желание впасть в противоположную крайность и написать историю среднего платонизма без Посидония.

Еще одно слово, которое очень часто употребляется в связи с данным периодом — «эkleктизм», — я также склонен исключить из моей работы. Исследуемый автор может быть назван эkleктиком только в случае, если он собирает доктрины различных школ, базирываясь скорее на своих личных предпочтениях, нежели на какой-либо связной теории исторического развития философии. Понятое в таком смысле слово «эkleктизм» не вполне уместно в связи со средними платониками, по крайней мере со времен Антиоха, поскольку последний, как мы увидим, имел вполне определенные воззрения на то, как развивалась философия, и эти воззрения, как нам теперь представляется, не были полностью ошибочными. Он и его последователи считали, что они вправе заимствовать у перипатетиков и стоиков те доктрины и формулы, которые, как им казалось, лучше отражали истинный смысл учения Платона. В худшем случае они модернизировали Платона, однако причина этой модернизации и ее процедура была ясна и последовательна, что не позволяет охарактеризовать ее как эkleктическую. Наше стремление «выявить» в их работах (как и в трактатах Плотина) «аристотелевские» и «стоические» элементы приводит к ложному представлению о ситуации. В действительности значительное количество разнообразных терминов и концепций в начале первого столетия превратилось уже в общее место, поэтому их изначальное происхождение практически не имело никакого значения. Такие базовые термины, как *logos* или *κοῖνὰ ἐπιείκῃ*, в тех контекстах, в которых они используются изучаемыми в данной книге авторами, являются в полной мере платоническими. Аналогично то, что для нас является «логикой Аристотеля», для них было просто логикой, нормальным учением, которое использовалось в Академии и было сформулировано Аристотелем. Такое понимание развития философии может показаться нам неисторичным, однако и мы со своей стороны также должны учитывать, что ныне нам не доступны все те документы, которые были известны Антиоху и его последователям и на основе которых они пришли к такому заключению.

В вопросе о влиянии древних авторитетных авторов на поздних имеется один жизненный факт, которым современные исследователи склонны пренебрегать. Именно в тот период, равно как и в последующие вплоть до самого недавнего времени, каждый автор под-

вержен непосредственному влиянию своего наставника и склонен видеть историю философского развития до этого времени с его точки зрения. Такой человек может читать оригинальные тексты, однако он читает их под руководством своего учителя, который читал их под руководством своего учителя, и т. д. Только учитывая этот процесс, можно понять ту удивительную «расчлененность» платоновской доктрины, которую мы наблюдаем в наших источниках. По этой же причине утверждать, что Плотин испытал влияние стоиков или Посидония, Альбин — влияние Антиоха, а Плутарх — Ксенократа, — значит чрезмерно упрощать ситуацию. Плутарх прежде всего формировался под влиянием Аммония, Альбин — под влиянием Гая, Плотин — под влиянием Аммония Саккаса, а затем Нумения, Севера и Альбина.

В этой книге меня прежде всего занимают точные слова и формулировки тех авторов, с которыми я имею дело; по этой причине я позволил себе множество точных выдержек из того, что сохранилось от их работ. В большинстве случаев обычная сводка их воззрений была бы слишком неинформативной, поскольку она бы полностью выхолостила следы того мыслительного процесса, которым они руководствовались. Тот путь, который они прошли прежде, чем сформулировать свою позицию, а также точные термины, которые они употребляли, представляют для меня особый интерес. При цитировании я достаточно вольно использовал существующие переводы, взятые в основном для тех работ, которые туда входят, из Loeb Classical Library (прежде всего это касается Цицерона, Филона, Плутарха и Авла Геллия). Я использовал эти переводы прежде всего из нежелания проделывать заново ту переводческую работу, которая уже вполне адекватно проделана; кроме того, мне хотелось, чтобы в цитатах прозвучал другой «голос», отличный от моего собственного. Разумеется, я сверял переводы с текстом, и в тех случаях, когда они оказывались недостаточно буквальными или не соответствовали моей задаче, позволял себе исправлять их без каких-либо оговорок. Кроме того, я использовал много греческих терминов в транслитерированной форме. Вид получился несколько варварский, однако мне кажется, что читатель, если он желает проследить пути философского развития, должен познакомиться с основной терминологией изучаемого периода в оригинальной форме. Я стремился минимизировать сноски, поэтому ссылки по большей части даются в самом тексте.

Я благодарен многим своим коллегам, которые читали эту работу в процессе ее подготовки и высказали свои замечания. Прежде всего я должен поблагодарить Фредерика Эмори, Питера Брауна,

Герарда Каспари, Альбрехта Диле, А. А. Лонга, Дж. М. Риста, Р. Т. Уоллиса, Джона Уиттакера и Дэвида Уинстона. Разумеется, они не отвечают за мои недосмотры. Я благодарен калифорнийскому университету Беркли за академическую стипендию (Humanities Research Fellowship, 1971–1972), которая позволила мне начать работу над этой книгой. Кроме того, я всемерно обязан моей жене за ее безмерное терпение и опыт, которые она проявила при подготовке рукописи, много раз перепечатывая некоторые ее части, а также за высказанные ею точные замечания, позволившие улучшить содержание и стиль работы. Я посвящаю эту книгу памяти своего отца, благодаря которому я избрал академическую карьеру и который направлял меня по этому пути своим поощрением и личным примером вплоть до своей кончины.

Беркли, 1975